

УДК 165.212:82-32”04/14”

Алексей Ткаченко

**СЕРЬЕЗНОЕ В СМЕШНОМ: ОБРАЗЫ «СТРАНЫ
КОКАНЬ» В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ «ПРЕРЫВАНИЯ»
ИСТОРИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ В СРЕДНЕВЕКОВОМ
СОЗНАНИИ**

На основі аналізу фабліо «Сказ про Кокань» (XII ст.) та поеми «Страна Кокейн» (XIII ст.) розглянуто проблему «зниження» сприйняття історичного часу у середньовічній сміховій культурі.

Ключові слова: сміхова культура, «перевертання», історичний час.

На основе анализа фаблю «Сказание про Кокань» (XII в.) и поэмы «Страна Кокейн» (XIII в.) рассмотрено проблему «снижения» восприятия исторического времени в средневековой смеховой культуре.

Ключевые слова: смеховая культура, «переворачивание», историческое время.

The problem of «reducing» the perception of historical time in the medieval culture of laughter is analyzed basing on the fabliau «Legend of Kokanee» (XII c.) and the poem «The Land of Cockayne» (XIII c.).

Key words: laughter culture, «overturning», historical time.

Проблема смеха в средние века всегда оказывалась дискуссионным полем. Излишне напоминать читателю как представления о том, что средневековому человеку чуть ли не запрещалось смеяться (ведь Христос никогда не смеялся), так и бахтинскую «революцию», открывшую смеховую культуру средневековья. Мы не претендуем на то, чтобы внести нечто новое в понимание средневекового смеха. В данном тексте мы попытаемся через анализ одного из объектов смеховой культуры раскрыть особенности историософского сознания средневекового человека, это и будет являться целью нашей работы.

О средневековом отношении к смеху написано немало работ: это и Луи Казамиан [10], утверждавший полное осуждение смеха в средние века, это и американский медиевист Дж. С. П. Тэтлок [13] фактически реабилитировавший средневековый смех в полемике с Казамианом, это и Й. Верберкмос [14], подводящий итоги этих полемик и последующих исследований. Однако, поскольку речь идет именно о «смеховой культуре», то мы будем обращаться к автору этого термина – М. М. Бахтину [1]. В своем исследовании «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса», он затронул огромный спектр вопросов, касающихся основ и природы средневековой культуры. В частности, ему принадлежат термины «переворачивание» и «снижение»

в отношении смеховой культуры. Проблемы восприятия интеллектуальных идей через призму смеха касается и Н. А. Иванова-Георгиевская в своей статье «О природе смеха или Как это делается в Одессе» [4], в которой она говорит о смехе как некоей методологии философского познания. Осмыслению смеха посвящена работа А. А. Кузьмина и М. В. Кузьминой [6]. О проблеме «прерывания» исторического времени пишут О. А. Довгополова [2; 3] и А. А. Каменских [3; 5]. Отдельного внимания заслуживает диссертация на соискание научной степени кандидата филологических наук О. Ю. Силантьевой [8; 9], в которой проводится подробный текстологический и филологический анализ «фаблио о Стране Кокань», а в приложениях приведены все существующие переводы и различные версии произведения.

В данной статье анализируется специфический аспект восприятия исторического времени, который мы находим в одном из известных сюжетов средневековой смеховой культуры – о Стране Кокань. Мы предлагаем рассмотреть данный сюжет в контексте проблемы разрывов исторического времени. Соответственно, объектом исследования выступает смеховая культура средних веков, а предметом – историософские идеи в «фаблио о Стране Кокань». Задачами исследования выступают: 1) применить идею М. Бахтина о «переворачивании» в смеховой культуре к «фаблио о Стране Кокань» для выделения историософских идей; 2) показать «разрывы» исторического времени в «фаблио о Стране Кокань».

В методологическом отношении мы следуем подходу М. М. Бахтина, исследовавшего проблему «переворачивания» идей в средневековой смеховой культуре [1, с. 47]. «Переворачивание» мы находим в самых разных литературных произведениях средних веков. Например, в романе «Окассен и Николет» изображается мир наизнанку «Торлор». В романе «Гюон Бордоский» изображается страна, где хлеб родится в изобилии и никому не принадлежит. В одной из частей «Гаргантюа и Пантагрюэль» под названием «Путешествие и плавание Панурга, ученика Пантагрюэля, на неведомые и чудесные острова» (1537) описывается утопическая страна, где горы из масла и муки, реки из молока, горячие пирожки растут, как грибы, прямо из земли и т. п. Во всех этих сюжетах берется за основу существующий мир, выделяется ряд основных признаков мира (по мнению автора) и эти признаки выворачиваются наизнанку (например, голод превращается в изобилие, пороки – в добродетели и т. д.) Однако, в некоторых случаях у переворачивания есть еще одна особенность – то, что Бахтин называет условно «снижением». Речь идет о том, что в процессе этого «переворачивания», некая интеллектуальная идея

«снижается» в народном сознании на более преземленный, или даже на телесный уровень [1, с. 27]. Как это происходит, мы рассмотрим на примере восприятия исторического времени, поскольку эта идея является репрезентативной для исследования смеховой культуры, т. к. она «переворачивает» общеевропейские идеи. Также восприятие времени для средневековья – очень важная проблема в связи с регулярным обращением к эсхатологии, возникающими регулярно милленаристскими социальными проектами. Важна она и потому, что речь идет о включенности человека в мировой исторический процесс, о конечности мира и истории, о чем очень много говорит интеллектуальная христианская мысль (начиная с Оригена, Августина и Григория Нисского).

В качестве материала для работы со смеховой культурой нами были выбраны средневековые описания страны Кокань, поскольку они видятся нам репрезентативным примером работы (либо игры) с историческим сознанием. По форме они представляют собой французское фаблио «Сказ про Кокань», написанное неизвестным автором около 1250 года и английскую поэму «Страна Кокейн», написанную между 1305 и 1325 годами, а ее сюжет со временем перетек в другую поэму – поэму о стране Шлараффенланд, которая была популярна до конца XVIII века. Он также представлен в картине Питера Брейгеля «Страна лентяев». В связи со своей принадлежностью к средневековой смеховой культуре и многочисленными трансформациями, эта поэма нам представилась репрезентативной для изучения этого «снижения» идей. Но стоит отметить, что мы анализируем только средневековую версию произведения, т. к. нас сейчас интересует именно средневековое сознание.

Жак Ле Гофф в работе «Средневековый мир воображаемого» [7] говорит о стране Кокань как о «единственной средневековой утопии», однако новоевропейские утопии порывают с эсхатологией, милленаризмом и с мифами о низвержении социального религиозного порядка, в новоевропейских утопиях «время мыслится как полностью необратимое». Именно поэтому «Страна Кокань» существенно отличается от утопий.

Рассказ о стране Кокань рисует нам некое пространство, не включенное в ход мировой истории. Кокань – пространство без движения, без времени и без событий [9], «это мир вне истории» [3, с. 7]. Здесь за труд наказывают, а за безделье платят жалованье. Каждый следующий момент жизни страны точно такой же, как предыдущий (или не хуже). Столы здесь постоянно накрыты. Еда свежая и только-только

приготовленная [8, с. 103]. Об отсутствии исторического времени в стране Кокань говорит нам и сам стиль написания поэмы. В английской версии вообще нет ни одного события, более того, нет ни одного движения – только описания, вроде:

*«Много видов сладостных там,
день постоянный, нет места ночам...»* (Цит. по: [9, с. 10]).

Во французской же версии, движения и события есть, но эти события *заканчиваются* тогда, когда речь заходит о присутствии автора в стране Кокань. Каждый следующий момент жизни страны, такой же, как предыдущий (или не хуже). Столы постоянно накрыты. Еда свежая и только-только приготовленная [9, с. 103]. В начале мы видим совершенно конкретное действие в конкретном времени (прошлом):

*«Я пошел к папе
Просить покаяния...»* (Цит. по: [9, с. 10]).

Ну а дальше до самого конца опять наступает бессобытийность:

«Чем больше спят, тем больше получают...» (Цит. по: [9, с. 10]).

Действия снова появляются только в конце, когда автор заканчивает свой рассказ о стране Кокань. Все это очень важно, т. к. иллюстрирует желание средневекового человека вырваться из пространственно-временной среды, в которой он находился, и оказаться вне этого самого пространства и времени. Переход в страну Кокань – это способ остановить время. Во французской версии даже речь идет о фонтане вечной молодости, который не дает человеку стареть и умирать. В этом случае, именно смех здесь и сейчас выступает, как победа над смертью [1, с. 104], над конечностью как истории, так и человека. Другими словами, это попытка преодолеть конечность человеческой жизни, человеческой истории, которая постулировалась христианской культурой (начиная с Августина). Смех помогает человеку ощутить себя хозяином собственной судьбы, снимая границы между профанным и сакральным [6, с. 188]. Смех в процессе «переворачивания» как бы переосмысливает современный средневековому человеку мир: строит свою концепцию государства без феодальной иерархии и зависимости, концепцию религиозной жизни без ежедневного воздания молитв и послушания (при этом, сохраняя институт монашества), строит свою общественную мораль, в которой не порицается чревоугодие, прелюбодеяние и многоженство, а в данном случае [1, с. 101] и строит свой вариант исторического времени. Время здесь не линейно, поскольку каждый может выйти из исторического времени, попав в Страну Кокань. Например, «... целых семь лет в навозе свином просидеть...» (Цит. по: [9, с. 11]), но и не зернисто, поскольку в

историческое время можно вернуться, что и сделал автор поэмы по своей глупости:

«Считаю себя сумасшедшим и я есть такой.

Так как я выехал из страны.

Я приехал сюда, забрать моих друзей,

Чтобы отвести их в тот край

Как бы я мог, вместе со мной,

Но я уже никогда не смогу туда попасть» (Цит. по: [9, с. 9]).

Такое представление об историческом времени можно метафорично назвать «дырявым» (поскольку существуют определенные дыры в историческом времени, в которые можно упасть и из которых можно вернуться). «Страна Кокань», конечно же, не единственный пример видения такой «дырявости» исторического времени. Здесь также можно вспомнить о легендах, ставших основой для известной истории Рипа ван Винкля Вашингтона Ирвинга: человек хлебнул из чужого котла и весело провёл ночь, а, вернувшись домой, обнаружил, что прошло двадцать лет. Можно вспомнить и о популярном средневековом сюжете – «короле под горой», переживающем историю во сне. Героями таких сюжетов были Король Артур и Фридрих Барбаросса, многие известные средневековые рыцари. А проснуться они смогут только тогда, когда их родина будет нуждаться в них. При этом бывает, что случайно их находят какие-нибудь бродяги, пастухи и просто путешественники и будят, но они снова засыпают, пока не наступит нужный момент (см.: [12]). Из времени можно выпасть, заглянув в колечко эльфа. Важно здесь то, что во всех этих сюжетах «выпадение» происходит не в вечность. Об этом пишет О. Довгополова: «Возможен переход в “параллельное пространство” в особых обстоятельствах, с осознанием возможности и желательности вернуться к “нормальной” жизни» [2, с. 213]. Далее, этот процесс иллюстрируется «Декамероном» Бокаччо, в котором герои конструируют другое пространство (вне пространства Нормы) и убегают в него.

Применяя понятие «переворачивание» (по М. Бахтину) к смеховой культуре, мы можем выделить некоторые идеи. На примере восприятия исторического времени, мы видим, насколько оно двояко: в официальной культуре господствует «линейное» историческое время (наследуя идеи Оригена, Августина, Григория Нисского), а в смеховой культуре оно «дыряво», что мы и показали на примере «фаблио о Стране Кокань», в котором человек может «выйти» из всемирной истории в пространство бессобытийное, а потом может вернуться. Для народного сознания мы предпочли бы это качество назвать именно «дырявостью», а не «зернистостью», которую видит Алексей Каменских у Вальтера Беньямина

[5]. Самое главное отличие «дырявости» от «зернистости» состоит в том, что, как правило, под «зернистостью» понимается размыкание времени в вечность (чаще всего с приходом Мессии), а «дырявость» предполагает возможность (или вероятность) возвращения в историческое время. И в связи с этим четко видно отличие от «райского» состояния, ведь человек оставляет за собой возможность вернуться и закончить историю, как личную, так и всеобщую. Смех выступает здесь способом трансформации и определенного рода переосмыслением идей, в результате их снижения на телесный уровень: говоря о вечности, о всемирной истории, все сводится к молочным рекам и кисельным берегам, к пирожкам на деревьях и прочим изобилиям. Но именно здесь видно желание средневекового человека преодолеть конечность человеческой истории, «прервать» ее связанное движение.

1. Бахтин М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса.– М.: Худож. лит., 1990.– 543 с.
2. Довгополова О. Другое, Чужое, Отторгаемое как элементы социального пространства.– Одесса: СПД Фридман, 2007.– 300 с.
3. Довгополова О., Каменских А. Вводное слово // Эсхатос: философия истории в предчувствии конца истории.– Одесса: ФЛП «Фридман А. С.», 2011.– С. 5–14.
4. Иванова-Георгиевская Н. А. О природе смеха, или Как это делается в Одессе // Studia culturae.– Вып. 12.– СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2011.– С. 107–117.
5. Каменских А. Рождение философии истории из духа эсхатологии // Эсхатос: философия истории в предчувствии конца истории.– Одесса: ФЛП «Фридман А. С.», 2011.– С. 32–49.
6. Кузьмин А., Кузьмина М. Смех и открытие (закрытие) исторических перспектив // «Studia culturae».– Вып. 12.– СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2011.– С. 184–190.
7. Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого: Пер. с фр. / Общ. ред. С.К. Цатуровой.– М.: Прогресс, 2001.– 440 с.
8. Силантьева О. Страна Кокань и Шлараффия во французской и немецкой литературах XVIII–XIX вв.: дис. канд. филол. наук.– М.: РГГУ, 2006.– 295 с.
9. Силантьева О. Страна Кокань и Шлараффия во французской и немецкой литературах XVIII–XIX вв.: прилож. к дис. канд. филол. наук.– М.: РГГУ, 2006.– 55 с.
10. Cazamian L. The Development of English Humour.– NY: Macmillan, 1930.– 421 p.
11. Halliwell S. Greek Laughter. A Study of Cultural Psychology from Homer to Early Christianity.– Cambridge University Press, 2008.– 632 p.
12. Sleeping hero legends [Электронный ресурс. Режим доступа:<http://www.pitt.edu/~dash/sleep.html>].

13. Tatlock J. S. P. Mediaeval Laughter // Speculum.– Cambridge University Press, 1946.– Vol. 21, No. 3.– 289–294.
14. Verberckmoes J. What about Medieval Humour? Some historiography // Risus mediaevalis: laughter in medieval literature and art.– Leuven University Press, 2003.– P. 1–10.